

УДК 94(59)«1918/...»

ББК 63.3(58)6

И 24

А.С. Иващенко,

доктор исторических наук, профессор, заведующий кафедрой всеобщей истории исторического факультета Адыгейского государственного университета, г. Майкоп, тел.: 8-(8772)-57-55-96

**Проблемы социально-экономического развития новых
индустриальных стран Юго-Восточной Азии
(Южная Корея, Сингапур, Тайвань)
в 70-е гг. XX — начале XXI вв.**

(Рецензирована)

Аннотация. Целью статьи является выявление и изучение трудностей и препятствий в социально-экономическом развитии новых индустриальных стран Юго-Восточной Азии — Южной Кореи, Сингапура и Тайваня. В частности, определение зависимости экономической либерализации от политической либерализации государственных режимов в НИС.

Ключевые слова: новые индустриальные страны, Южная Корея, Сингапур, Тайвань, социально-экономическое развитие, проблемы.

A.S. Ivashchenko,

Doctor of Historical Sciences, Professor, Head of World History Department of the History Faculty, Adyge State University, Maikop, tel.: 8-(8772)-57-55-96

**Problems of social and economic development
of the new industrialized countries of South East Asia
(South Korea, Singapore, Taiwan)
from the 1970s to the early 21st century**

Abstract. The purpose of this paper is to disclose and study the difficulties and obstacles in social and economic development of the new industrialized countries of South East Asia — South Korea, Singapore and Taiwan, in particular, to identify the dependence of economic liberalization on political liberalization of their state regimes.

Keywords: new industrialized countries, South Korea, Singapore, Taiwan, social and economic development, problems.

О феномене динамичного экономического развития новых индустриальных стран (НИС) Юго-Восточной Азии «первого эшелона» — Южной Кореи, Сингапура, Тайваня отечественные ориенталисты и экономисты писали довольно много и охотно. И это вполне объяснимо, так как интерес к проблеме был не только научный, но и вполне прагматичный. Изучение опыта быстрого и эффективного решения экономических проблем было необходимо не только большинству

афро-азиатских государств, но и лидерам нашей страны. Однако, восхищаясь экономическими достижениями НИС «первого эшелона» Юго-Восточной Азии, далеко не все лидеры государств Востока, а тем более, рядовой обыватель, знают, что помимо социально-экономических успехов Южная Корея, Сингапур и Тайвань сталкиваются в своём развитии с рядом проблем и трудностей.

Одной из таких проблем является сильная зависимость экономики

НИС от конъюнктуры американского и японского рынков. Когда экономическая конъюнктура в США и Японии оживляется, экономический рост в НИС ускоряется и наоборот. Так, спад в развитии экономики Южной Кореи в 1979 г. на 3% был обусловлен, в частности, ухудшением экономической конъюнктуры в США и в Японии, на которые приходилось 60% внешней торговли Южной Кореи.

Стремление НИС добиться быстрого экономического эффекта путём скупки лицензий, новых технологий за рубежом, привело к ослаблению внимания к развитию собственной фундаментальной науки. Такое упущение в экономической политике НИС привело к феномену «утечки мозгов», когда учёные НИС не находили применения знаниям в своём государстве. Отставание НИС в области фундаментальных исследований обусловлено также их исторической бедностью, отсутствием традиций и научных школ в фундаментальных науках. Яркий пример оттока «интеллектуального капитала» — Южная Корея. Так, в начале XXI в. из страны выехало в 2 раза больше учёных, компьютерщиков, финансистов, чем в 90-е гг. Несмотря на то, что уровень подготовки южнокорейских и сингапурских учёных растёт, они пока так и не заявили о себе самостоятельными, оригинальными исследованиями и разработками мирового уровня. Так, экономист В.Красильщиков отмечает, что Южная Корея пока находится лишь у порога клуба мировых научных держав [1]. В отличие от НИС в развитых государствах (США, Япония, ряд стран Западной Европы) существует не только высокое производство и потребление, но и наличие интеллектуалов, которые умеют «творить чудо».

Технологическая зависимость НИС сохраняется, в первую очередь, от США и Японии. Причём, ТНК, «привязывая» к себе НИС, неохотно идут на передачу им новейших технологий, опасаясь новой волны конкуренции. Решение проблемы — включение НИС в своё собственное технологическое творчество и превращение зависимости

во взаимозависимость. Так, в 90-е гг. несмотря на успешную экспансию на внешних рынках, южнокорейские производители высокотехнологичной продукции занимали подчинённое положение в глобальных сетевых структурах или цепях поставок. Максимальную выгоду в этих структурах получали обладатели прав на патенты и бренды. В 1989г., например, южнокорейские фирмы выплатили 1,2 млрд. долл. правообладателям за использование запатентованных технологий. В 90-е гг. правительство Южной Кореи и частный бизнес осуществили масштабные инвестиции в научно-исследовательские и опытно-конструкторские разработки (НИОКР). Цель этой акции: перейти от так называемого «обратного инжиниринга», когда разбирались и детально копировались изделия мировых технологических лидеров, в целях создания собственных инновационных технологий. С этой целью были созданы сети, объединившие исследовательские центры в Южной Кореи и за рубежом под эгидой такой компании как «Самсунг» [2].

Одним из негативных последствий экспортной ориентации НИС является противоречие между экспортной и внутренней экономикой. Суть в том, что технологическая оснащённость предприятий, работающих на внутренний рынок ниже, чем экспортных. Темпы роста внутреннего производства заметно отстают от наращивания экспорта. Так, в Южной Кореи в 70-80-е гг. при темпах роста ВВП 8-9%, производство, ориентированное на внутренний рынок, росло минимальными темпами, а иногда даже сокращалось.

В НИС сохраняется разница в оплате труда между работниками занятыми в экспортном секторе и во внутренней экономике.

Значительная роль государства в экономике НИС приводит к бюрократизации процесса принятия производственных решений.

Государственное регулирование экономикой НИС сопровождалось развитием семейного и кланового фаворитизма, вступающего в конфликт

с компетентностью руководителей и порождающего коррупцию. Так, 21% высших управленческих постов в южнокорейских чеболях, т.е. монополиях, занимали родственники владельцев компаний. Из 25 крупнейших корпораций в Южной Корее 11 принадлежали выходцам из провинции Ённам, откуда были родом южнокорейские президенты Пак Чжон Хи и Чон Ду Хван. 33% топ — менеджеров в этих 25 компаниях были из того же региона. В Южной Корее в 70-е гг. связи в духе неофамлизма (новой семейственности — прим. авт.) с государственной бюрократией открывали чеболям доступ к льготным кредитам и к прямому субсидированию экспорта. Такие связи в итоге приводили к институционализации коррупции. Так, в крупных аферах в середине 80-х гг. оказались замешанными родственники бывшего (до 1987г.) президента Южной Кореи Чон Ду Хвана, хотя сам он, придя к власти, развернул борьбу с коррупцией среди государственных чиновников «старой волны» [3].

Клановость и фаворитизм распространяются и на деятельность самих корпораций в НИС. Создается жёсткая внутрифирменная иерархия с ограниченными вертикальными и горизонтальными передвижениями. Такая система может быть пригодной при копировании чужих идей и технологий. Но она оказывается малоэффективной, когда надо идти на самостоятельный научный поиск, сопряжённый с небольшим риском.

Среди проблем НИС иногда называют наличие внешней задолженности. Так, долг Южной Кореи к 1985г. составлял 45 млрд. долл., и к 1986г. она занимала 4-е место в мире по внешнему долгу. Однако внешний долг Южной Кореи не является критическим. Отношение долговых выплат Южной Кореи к доходам от экспорта составляло 15,5% при критическом уровне в 25%. Более того, Южная Корея довольно успешно выплачивает свой внешний долг. К 1989г. он сократился до 27 млрд. долл. С 2000г. Южная Корея перешла из категории стран-должников в разряд государств — доноров.

Рабочие НИС характеризуются высокой степенью послушания. Для работодателей это качество является позитивным при нынешнем технологическом уровне новых индустриальных стран. Однако при возрастании потребности в творческом, инициативном труде, послушание может быть и не столь полезным. Лидеры НИС первого эшелона (Южная Корея, Сингапур, Тайвань) всерьёз озабочены преодолением влияния консервативных культурных традиций на воспитание творческих способностей своих граждан [4]. Реагируя на призывы властей воспитывать в детях креативность со школьного возраста, родители школьников, например, в Сингапуре требуют от них «быть творчески активными» в учёбе. Тех, кто не проявлял «творческой активности» или не становился отличником, родители били бамбуковой палкой или ставили коленями на бобы. В результате родители в Сингапуре всё чаще стали водить своих детей к врачам-специалистам по детским неврозам. На рубеже конца XX — начала XXI вв. в Южной Корее стали создавать спецшколы для одарённых детей, которые изучают математику, физику, другие естественные и технические науки. Кроме того, было разрешено открывать частные школы, где обучение велось по нестандартным программам с целью формирования творческих способностей у учащихся. Однако с другой стороны, чиновники из министерства образования Южной Кореи были весьма обеспокоены тем, как бы в частных школах не привили ученикам умения быть чересчур самостоятельными и «возмущать спокойствие» вопреки устоявшимся принципам общности. Южнокорейские чиновники также считали, что «воспитывать креативность» надо лишь с 15 лет, а не с 10.

Слабость развития фундаментальной науки в НИС приводит к их отставанию от развитых государств по наукоёмким отраслям (биотехнология, новые материалы и т. д.). Здесь уже внедренческих навыков недостаточно.

До определённого момента ориентация экспорта НИС на рынки США и Японии способствовала стабильному росту их экономики. Однако, в настоящее время возникает потребность в диверсификации, т.е. в расширении ассортимента экспортных товаров. Она обусловлена, во-первых, негативными последствиями для НИС экономических кризисов в развитых странах, и, во-вторых, ликвидацией США для НИС с 1987г. преференций в торговле.

Многие корпорации и финансовые группы НИС основаны на семейном родстве или семейными узами связаны с правительственными чиновниками. Это, с одной стороны, приводит к тому, что «семейное доверие» позволяет быстро и эффективно решать вопросы там, где ещё не сложились финансовые и кредитные связи. Однако, с другой стороны, в выигрыше оказываются лишь «свои» фирмы, тогда как «чужие» сталкиваются с ещё большими проволочками. Так, в Южной Корее в 70-е гг. на долю 50 чеболей приходилось около половины ВВП государства. При этом 7 из 10 крупнейших чеболей принадлежали выходцам из провинции Ённам, откуда родом были высшие чиновники страны. И поэтому далеко не случайно в середине 80-х гг. южнокорейское правительство ввело запрет на «перекрёстную» скупку акций компаний, принадлежащих одному семейному клану [5]. Позитивное воздействие на прозрачность функционирования южнокорейских чеболей в условиях рыночной экономики оказал мировой финансово-экономический кризис 1997-1998 гг. 11 из 30 крупнейших чеболей Южной Кореи не выдержали испытание на прочность кризисом и разорились, в том числе всемирно известная компания «Дайву». Оставшиеся чеболи утратили свою прежнюю «осьминожку» структуру, которая прежде позволяла головной компании полностью контролировать функционирование сети дочерних и аффилированных (подконтрольных — прим. авт.) предприятий.

Высокая степень интенсификации труда приводит к перенапряжению

среди профессиональных кадров в НИС. Так, Южная Корея лидирует среди государств Организации экономического сотрудничества и развития (ОЭСР) по числу отработанных часов на одного занятого. И одновременно она занимает одно из первых мест в мире по числу суицидов среди своих граждан. К тому же численность суицидов возрастает. Так, если в 1985г. их было более 9 на 100 тыс. чел., то уже в 2009г. эта цифра возросла до 31 суицида [6]. Экстенсивные факторы роста производительности труда в тройке НИС Юго-Восточной Азии близки к исчерпанию. Им придётся активизировать социокультурные изменения, направленные на усиление творческого начала в образовательных системах, на большее привлечение к общественному труду образованных женщин.

НИС, несмотря на то, что имеют небольшие людские ресурсы, занимают в мировой экономике видное место. На них приходится 8% мирового экспорта.

НИС, в большей мере являются участниками мирового, нежели регионального разделения труда. Большая часть их продукции приходится на США и Японию, а не на страны азиатско-тихоокеанского региона (АТР). Хотя среди них есть и исключения — Сингапур, например, ориентирован в большей мере на региональные рынки.

Среди НИС и стран всего АТР идёт дискуссия относительно способов региональной интеграции. Часть государств, во главе с Таиландом и Австралией, выступают за создание в АТР зоны свободной торговли, защищенной таможенными барьерами от проникновения товаров стран Западной Европы и Северной Америки. Эти государства, как правило, входят в движение неприсоединения и стремятся к максимальной политической независимости. Они боятся гегемонии США в регионе.

Другая группа стран, в частности Южная Корея, Тайвань, Филиппины, выступают за максимальную либерализацию экономики в АТР для всех

государств, в том числе Северной Америки и Западной Европы. То есть региональная интеграция не отвергается, но проводить её предлагается в контексте общемировой интеграции. Это точка зрения стран экономически более мощных и имеющих более тесные экономические связи с США и Японией.

В перспективе место и роль НИС будет изменяться и в мире и в регионе. Причинами этих изменений являются: проведение структурной перестройки мировой экономики на основе новейших технологий и создание основ новой экономики; углубление интеграции в Европе и в Северной Америке; повышение роли человека в экономике.

Всё это приведёт к тому, что либо НИС начнут интенсивную диверсификацию экспорта, либо будут искать новые рынки сбыта для своих товаров. Так как эти товары уже не найдут спроса на рынках США и Японии в силу своей относительной технологической отсталости и протекционистских барьеров.

Для НИС Юго-Восточной Азии «первого эшелона» характерна технологическая специализация. Сингапур, например, занимается разработкой программного обеспечения. Южная Корея и Тайвань — производством станков с ЧПУ и микрокомпьютеров.

В настоящее время все НИС, особенно Тайвань, стали активными экспортёрами капитала, например, в сборочные производства государств АСЕАН и КНР [7].

Южная Корея, как наиболее развитая из НИС и имеющая наибольшие людские ресурсы, стремится играть роль связующего звена между развитым и развивающимся миром. Однако особых успехов в этом направлении она не добилась.

По мнению отечественного ориенталиста В.В.Михеева, взаимосвязь и взаимозависимость между экономическими успехами той или иной страны и уровнем демократизации политического строя не является абсолютно жёсткой [8]. То есть, динамизм в развитии экономики может быть обе-

спечен и при тоталитарном режиме. Однако динамизм в развитии экономики может быть обеспечен при тоталитаризме лишь до определённых пределов. В связи с этим в НИС появилась даже концепция: «Сначала рост — потом демократия». Эту концепцию разделяли все лидеры НИС. Президент Южной Кореи с 1962 по 1979гг. Пак Чжон Хи даже заявил, что демократизация общества не опасна для экономического роста лишь при достижении ВВП на душу населения в год в 2000 долл.

Теоретики вышеназванной концепции обосновывали существование жёстких режимов на первых этапах индустриализации в НИС следующими доводами: необходимостью мобилизации масс в условиях, когда экономические стимулы не работали; отсутствием гражданского общества; целесообразностью создания послушных бюрократических институтов по управлению по существу дезинтегрированными странами.

А также необходимостью подавления левых сил, и это к тому же поддерживалось США. Так, в Южной Корее был введён запрет на деятельность компартии и коммунистическую пропаганду, были наложены ограничения на забастовки, пресса контролировалась при помощи финансовых рычагов (заказов на рекламу и т. д.). Так, в 70-е гг. в Южной Корее издавалось всего три общенациональных газеты, и все они были подконтрольны правительству.

Население Южной Кореи в целом с пониманием отнеслось к жёстким мерам военных. К тому же корейские генералы всерьёз взялись за борьбу с коррупцией, а их подчёркнуто аскетический образ жизни вполне отвечал корейским традициям. Южнокорейские генералы утверждали, что о легитимности правительства следует судить по его экономическим достижениям.

Предел в динамичном развитии НИС при авторитаризме наступил в конце 80-х гг. Смене авторитарных институтов в НИС демократическими способствовали и «случайные факторы»: смерть в 1988г. сына Чан Кайши

Цзян Цзинго на Тайване, который длительное время возглавлял остров-государство; проведение летней Олимпиады в Южной Корее [9].

Однако от авторитаризма к демократии в 80-90-е гг. XX в. стали успешно переходить лишь Южная Корея и Тайвань.

В Сингапуре авторитаризм находится на распутье. В этой стране, отчасти, он был необходим для обеспечения этнополитической и социальной стабильности. (В Сингапуре проживает 75% китайцев, 15% малайцев, 7% индийцев и 3% приходится на другие этнические группы — прим. авт.). Под воздействием динамичного развития эти две угрозы стали не актуальными. Однако руководство Сингапура стремится избежать чрезмерного влияния на остров-государство КНР.

Предпосылки и закономерности демократизации политической жизни в НИС в целом заключаются в экономическом росте, формировании среднего класса, который не удовлетворяется лишь ростом своих материальных благ (Так, в настоящее время в Южной Корее средний класс составляет более 70% населения страны), а также в активном участии НИС в международной жизни; упрочении в общественном сознании идей демократии и равенства; формировании нового человека, которого отличает высокий уровень образования и представлений об окружающем мире.

Вообще инициатива демократизации принадлежит наиболее образованным людям, мышление которых носит интернациональный характер.

Так, в Южной Корее начало процесса демократизации в 80-е гг. XX в. инициировали противоречия в социально-экономической и политической жизни. В частности, рабочие Южной Кореи требовали либерализации профсоюзной деятельности. Представители мелкого и среднего южнокорейского бизнеса были недовольны тем, что государство поддерживало, в первую очередь, крупные компании — чэболи.

Всеобщим было недовольство корейцев коррупционными связями

государственных чиновников с руководителями чэболей.

Чэболи тяготила навязчивая опека со стороны государства в ведении ими бизнеса. Руководители чэболей считали, что они обрели уже достаточную экономическую мощь, чтобы принимать стратегические экономические решения самостоятельно.

Даже представители консервативной высшей бюрократии были озабочены политикой главы государства. Они боялись того, что такая политика может привести к массовым волнениям в стране.

Средний класс, особенно молодое поколение, не устраивала ограниченность социальных и политических лифтов в обществе.

Элементы процесса демократизации в Южной Корее, заложенные в 80-е гг., были развиты и продолжены в 90-е гг. XX — начале XXI вв. Президент Южной Кореи с 1998 по 2003 гг. Ким Дэ Чжун взял на вооружение концепцию свободного хозяйственного порядка. (Эта концепция была разработана в середине XX в. экономистами и юристами Фрайбургской школы из Германии. Эту школу возглавлял В.Ойкен — прим. авт.). Главная идея концепции: «экономическая политика конкурентного порядка становится полной противоположностью политике централизованного регулирования экономики». Причём требование поддержания адекватного уровня конкуренции и демократизации распространяется не только на экономику, но и на политику, социальные отношения, право, науку и культуру [10].

Проявления демократизации в НИС Юго-Восточной Азии: имели самые разнообразные формы. Они, в частности, выражались в разрешении политических дискуссий, ослаблении цензуры.

В 1992г. на Тайване был отменён закон об административном порядке запрещения функционирования партий. Запретить существование партии теперь мог только суд. Такой закон способствовал развитию многопартийности на Тайване. После принятия

законов от 1989г. об общественных организациях и выборах численность партий на Тайване возросла до более чем 70. До этого на Тайване по сути функционировал режим однопартийной власти в лице партии Гоминьдан (Национальная партия — прим. авт.), хотя юридически разрешалась деятельность ещё двух мелких антикоммунистических партий — младокитайской и демократическо-социалистической.

В политической жизни НИС стала проявлять себя межпартийная борьба.

На Тайване в 1988 г. был введён закон о собраниях и демонстрациях. Они разрешались везде, за исключением территорий и зданий канцелярии президента, исполнительной и экзаменационной палат, судебных учреждений, международных авиационных и морских портов, военных объектов [11].

С 1996г. президент и вице-президент Тайваня стали избираться не Национальным собранием, а всеми гражданами острова, имеющими право голоса. Сроки полномочий этих должностных лиц были сокращены с 6 до 4 лет. Повторно быть избранным президентом или вице-президентом можно было лишь один раз. До этого никаких ограничений по срокам пребывания тех или иных лиц на двух вышеназванных постах не было.

В Южной Корее в 2000г. был отменён закон, который ограничивал деятельность некоммерческих организаций.

Проявление демократизации также выразилось во введении в законодательство Южной Кореи статьи о подсудности высших руководителей государства, в том числе президентов и членов их семей. В 1993 г. президент Южной Кореи Ким Ен Сам (1993-1998гг.) санкционировал арест и осуждение бывших лидеров военной диктатуры Чон Ду Хвана и Ро Дэ У [12]. Правда, позже он смягчил им наказание. А следующий за Ким Ен Самом президент Южной Кореи Ким Дэ Чжун (1998-2003 гг.) амнистировал Чон Ду Хвана и Ро Дэ У.

Индикатором демократизации было резкое уменьшение южнокорейскими чэболями лоббизма своих интере-

сов в органах государственной власти, расследование связей представителей старого истеблишмента Южной Кореи с японской колониальной администрацией и ограничение влияния в Южной Корее трёх главных консервативных газет, отмена введённого после корейской войны 1950-1953 гг. закона о национальной безопасности. Официально он был направлен на жёсткое пресечение антигосударственной деятельности. В реальности его положения использовались против оппозиционных политических сил в Южной Корее.

Однако для НИС существует проблема наполнения демократических институтов реальным демократическим содержанием. Очень часто парламенты в НИС служат лишь средством легитимации власти лидера, который является фактически неконтролируемым хозяином страны.

Причинами несоответствия в НИС между демократической формой и содержанием являются: относительная отсталость экономики в сравнении с развитыми странами; низкое политическое самосознание населения; вековые традиции взаимоотношений народа с верховной властью; отсутствие привычки и умения населения определять свои экономические и общечеловеческие интересы и выражать их в политической форме.

В политической жизни Южной Кореи огромную роль играет так называемая «теневая демократия». То есть реальные механизмы принятия политических решений и неписанные правила политической борьбы. Этот феномен в той или иной мере характерен для всех НИС.

Черты «теневого демократии» присущи Южной Корее. Например, члены парламента Южной Кореи — Национальной Ассамблеи обязаны согласовывать текст выступления в парламенте заблаговременно; им запрещено было критиковать текущую политику президента; они не имели права упоминать в своих выступлениях персоналии из высшего руководства; им запрещалось критиковать существующую в стране систему и т. д.

О незрелости демократических институтов в НИС первого эшелона, в частности в Южной Корее, свидетельствуют также следующие факты: создание так называемых «временных партий», которые нужны лишь для того, чтобы тот или иной харизматичный лидер был избран в парламент. Такие партии больше похожи на неофамилитские коалиции.

Кроме того, в Южной Корее сохраняются коррупционные связи политиков с бизнес — группами, в том числе и при проведении избирательных кампаний, а также используются, свойственный прежним лидерам стиль личного принятия всех решений [13].

Эксплуатация риторики с целью мобилизации народа для решения национальных задач также является характерной чертой политической системы Южной Кореи. Примечательно то, что бывшие диссиденты Ким Ен Сам и Ким Дэ Чжун, которые критиковали авторитарный режим в Южной Корее и ратовали за демократизацию, придя к власти, и, став президентами, стремились сохранить традиционные политические институты.

Характер эволюции НИС весьма показателен в том, что он демонстрирует возможность конвергенции цивилизаций. Права, декларированные в XIII в. Великой хартией вольностей в Англии — «живу, где хочу, уверен в том, чем владею, ничего не боюсь больше закона», — в XXI в. воспринимаются в НИС как основополагающие принципы.

С середины 90-х гг. XX — начале XXI вв. южнокорейская экономика вступила в стадию развития постиндустриального общества. Эта стадия, в частности, характеризуется особенно высокой конкуренцией, перенасыщенностью рынков различными брендами и имиджами. Наиболее развитые страны, в том числе и Южная Корея, для того, чтобы и дальше оставаться в авангарде мирового экономического развития переходят к созданию «сверхновой» экономики, которую иногда называют фазой гламурного капитализма или сокращённо глэм — капитализма

[14]. Глэм — капитализм возникает, когда производители на сверхконкурентном рынке должны очаровывать потребителей и когда товары и услуги должны быть агрессивно красивыми, чтобы интенсивно привлекать целевые аудитории. Процесс создания стоимости теперь больше связан с трендами, чем с брендами, не только в индустрии моды и шоу-бизнеса, но и в высокотехнологичных отраслях и финансовом секторе. Гламуроёмкие продукты обеспечивают темпы роста выше средних по экономике в индустрии роскоши, моды, красоты и т. д. Примеры гламуроёмких товаров: автомобиль «Порш», сотовый телефон «Луис Виттон», кожаная сумка фирмы «Верту» и т. д.

Риторика гламура, включающая мотивы роскоши, эротики, экзотики, яркости, эффектности, креативности активно используется южнокорейской рекламой в продвижении продуктов как объектов желания, например при продаже традиционной водки «соджу».

Сделав дизайн и креативность управленческих решений своими приоритетами, крупнейшие южнокорейские компании активно создают гламурно — промышленные комплексы для продвижения таких трансбрендовых продуктов, как коммуникаторы (коммуникатор — карманный компьютер — прим. авт.). «Самсунг — Армани», «Эл Джи — Прада» или автомобиль «Хёндэ — Прада».

Таким образом, многие из проблем социально-экономического развития НИС Юго-Восточной Азии «первого эшелона» кроются в их культурно-цивилизационном наследии, а именно в негативных последствиях длительного существования государства «восточной деспотии», в некоторых элементах конфуцианского вероучения. Кроме того, опыт социально-экономического развития НИС Юго-Восточной Азии, особенно Южной Кореи и Тайваня, доказывает, что для нового технологического прорыва в постиндустриальное общество с максимально либеральной экономикой проведение политической либерализации абсолютно необходимо и неизбежно.

Примечания:

1. Красильщиков В.А. Кризис в Восточной Азии: 10 лет спустя // *Мировая экономика и международные отношения (МЭМО)*. 2007. №8. С. 81.
2. Иванов Л.В. По следам «тигра»: анализ траекторий социальных изменений в Южной Корее // *Восток*. 2013. №1. С. 68.
3. Коробов А. Генералы как поводыри? // *Аргументы и факты*. 1993. №41. С. 5; Асмолов К. Борьба с коррупцией в Южной Корее // *Проблемы Дальнего Востока (ПДВ)*. 2002. №6. С. 87, 89, 94.
4. Фролов А.В. Опыт Сингапура поучителен // *Азия и Африка сегодня*. 2012. №1. С. 6.
5. Михеев В.В. В поисках альтернативы: азиатские модели развития: (социальные и «новые индустриальные страны»). М.: Востокведение, 1990. С. 137.
6. Феномен НИС: эволюция и современность // *МЭМО*. 2012. №7. С. 73.
7. Потапов М. Состояние и перспективы экономического развития Восточной Азии // *МЭМО*. 2014. №1. С. 46.
8. Михеев В.В. Указ. соч. С. 124.
9. История Китая. М.: Изд-во МГУ, 1998. С. 725-726.
10. Феномен НИС... С. 67.
11. Гудошников Л. Эволюция политического режима на Тайване // *ПДВ*. 1993. №5. С. 83.
12. История Востока: в 6 т. Т. 6. Восток в новейший период (1945-2000 гг.). М.: Восточ. лит., 2008. С. 924.
13. Иванов Д.В. Указ. соч. С. 71-72.
14. Иванов Д.В. Глэм — капитализм и социальные науки // *Журнал социологии и социальной антропологии*. 2007. Т. X, №2. С. 21.

References:

1. Krasilshchikov V.A. Crisis in East Asia: 10 years later // *World economy and international relations (MEMO)*. 2007. No. 8. P. 81.
2. Ivanov L.V. On the traces of “a tiger”: the analysis of trajectories of social changes in South Korea // *Vostok*. 2013. No. 1. P. 68.
3. Korobov A. Generals as guides? // *Arguments and facts*. 1993. No. 41. P. 5; Asmolov K. The struggle against corruption in South Korea // *Problems of the Far East (PDV)*. 2002. No. 6. P. 87, 89, 94.
4. Frolov A.V. Singapore experience is instructive // *Asia and Africa today*. 2012. No. 1. P. 6.
5. Mikheyev V.V. In search of an alternative: the Asian models of development: (social and “the new industrial countries”). M.: Vostokovedenie, 1990. P. 137.
6. NIS phenomenon: evolution and the present // *MEMO*. 2012. No. 7. P. 73.
7. Potapov M. The condition and prospects of economic development of East Asia // *MEMO*. 2014. No. 1. P. 46.
8. Mikheyev V.V. The mentioned work. P. 124.
9. History of China. M.: MSU publishing house, 1998. P. 725-726.
10. NIS phenomenon ... P. 67.
11. Gudoshnikov L. Evolution of the political regime in Taiwan // *PDV*. 1993. No. 5. P. 83.
12. History of the East: in 6 vt. V. 6. The East during the newest period (1945-2000). M.: Vostoch. lit. 2008. P. 924.
13. Ivanov D.V. The mentioned work. P. 71-72.
14. Ivanov D.V. Glam — capitalism and social sciences // *Sociology and social anthropology journal*. 2007. V. X, No. 2. P. 21.